

УДК 82.0

ПОЭТИКА ДИАЛОГА ПУШКИНА В ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Юхнова И.С.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», Нижний Новгород, e-mail: yuhnova@flf.unn.ru

В статье рассмотрены основные подходы к изучению поэтики диалога, обозначившиеся в отечественном литературоведении. Материалом для анализа стала научная рецепция творчества А.С. Пушкина. Автор работы выявляет две основных тенденции в исследованиях пушкинистов. Первая связана с традицией М.М. Бахтина, его идеей полифонического романа, двуголосого, разнонаправленного, предвосхищенного слова. Вторая формировалась в трудах о диалогической речи Л. Якубинского, Г.О. Винокура, А. Белецкого, в которых диалог рассматривался как собственно речевая структура, воссоздающая процесс общения. В работе показано, что обозначенные традиции изучения диалога не вступали в противоречие, а дополняли друг друга. Если в первом случае речь шла о диалогичности как особенности сознания, то во втором решались сугубо художественные задачи, так как предметом анализа становилась «технология».

Ключевые слова: диалог, поэтика диалога, А.С. Пушкин, проблема общения

THE POETICS OF PUSHKIN'S DIALOGUE IN LITERARY STUDIES

Yuhnova I.S.

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, e-mail: yuhnova@flf.unn.ru

The article examines the main approaches to studies of poetics of the dialogue, denoted in Russian literary studies. The material for analysis became scientific reception of A. Pushkin's works. The author of the work reveals two main tendencies in researches of pushkinists. The first is connected with M.M. Bakhtin's tradition, his idea of polyphonic novel, double-voiced, multidirectional, anticipated word. The second formed in works about dialogical language of L. Yakubinsky, G.O. Vinokur, A. Beletsky, where dialogue was regarded as the actual structure of the language, recreating the process of communication. The work shows, that indicated traditions of studying of dialogue were not in conflict, but complemented each other. While the first case was about the dialogicality as a feature of consciousness, in the second case purely artistic tasks were dealt with, because the subject of analysis became "technology".

Keywords: dialogue, poetics of dialogue, A.S. Pushkin, the problem of communication

В русском литературоведении XX века сосуществовали две традиции изучения диалога. Первая восходит к работам М.М. Бахтина, его известной монографии «Проблемы поэтики Достоевского». Идея полифонического романа, анализ диалогического сознания, двуголосого, разнонаправленного, предвосхищенного «слова» определили методологию литературоведческих исследований в области диалога на многие десятилетия, в результате чего на периферии оказалась другая продуктивная традиция его изучения, когда диалог рассматривался как собственно речевая структура, воссоздающая процесс общения. Она формировалась в трудах о диалогической речи Л. Якубинского, Г.О. Винокура, А. Белецкого и др. При этом, по нашему глубокому убеждению, обозначенные традиции изучения диалога не вступали в противоречие, а дополняли друг друга. Если в первом случае речь шла о диалогичности как особенности сознания, то во втором решались сугубо ху-

дожественные задачи, так как предметом анализа становилась «технология». Исследователи искали ответ на вопрос, как, какими способами в художественном произведении можно воссоздать общение как процесс, анализировали способы речевого портретирования. К сожалению, после работ М.М. Бахтина изучение диалога в подобном ключе в основном происходило в рамках лингвистических исследований. В литературоведении возвращение к изучению диалога как художественной структуры, репрезентирующей речь персонажей, произошло в работах В.В. Одинцова, А.Б. Есина и др.

В.В. Одинцов в монографии «О языке художественной прозы: повествование и диалог» суть своего подхода сформулировал следующим образом: «Необходимо ответить, почему в данном месте употребился именно этот способ раскрытия характера [диалог], а не другой» [7, с. 12]. И на примере «Повестей Белкина» показал, как меняются функции диалога в пушкинской прозе

(в частности, подробно рассмотрел его как средство характерологии), какую роль выполняет жест, как разрушается традиционная вопросно-ответная форма диалога и вырабатываются новые способы его развития.

В другой концептуально важной работе – статье А.Б. Есина «Изображенное слово у Пушкина и Чехова («Евгений Онегин» и «Вишневый сад»)» – был поставлен вопрос об «изображенном слове» [4], которое само становится «героем произведения» [4, с. 168]. А.Б. Есин показал, что в «Евгении Онегине» отражен «не только «социальный расклад», реалии быта, круг чтения, характер воспитания и т.п., но и многообразие существовавших в пушкинской России речевых манер, форм речевого поведения» [4, с. 168]. Герои сталкиваются с необходимостью словесно оформить свое представление о человеке и мире, поэтому особое значение в романе приобретает мотив «найденного слова», которое всегда оказывается неадекватным действительности, так как часто обусловлено речевыми стереотипами; в речевом поведении героев исследователь обнаруживает автоматизм, не позволяющий «воплотить в адекватную речевую форму свое чувство» [4, с. 173].

Мысль о том, что в пушкинском творчестве отражено многообразие форм речевого поведения и речевых манер, в пушкинистике получила всесторонне и глубокое обоснование в целом ряде работ, посвященных выявлению традиций, организующих коммуникацию (ораторской, риторической, романтической), и доминирующих речевых стратегий. Так, Н.И. Михайлова показала связь творчества Пушкина с ораторским искусством. Этой проблеме посвящен ряд статей исследователя, а также монография ««Витийства грозный дар...»: А.С. Пушкин и русская ораторская культура его времени». Н.И. Михайлова выделяет три группы текстов, которые так или иначе мог учитывать Пушкин: «...первый круг – тексты, с которыми был знаком Пушкин, которые по документальным свидетельствам он читал или слышал; в этом случае ораторские тексты могли быть и литературными источниками пушкинских произведений. Второй круг, более широкий, – те тексты, которые с той или иной степенью вероятности он мог читать или слышать <...>. третий круг – периферийный – ораторские тексты, которые привлекаются как типологическое явление ораторской культуры пушкинского времени, тексты, дающие материал для изучения идеологического содержания различных видов ораторской прозы, их жанровых и стилевых особенностей» [6]. Она выяснила, например, как язык манифестов, воззваний, приказов,

проповедей, рескриптов 1812 года повлиял на общий строй лирики Пушкина, а также указала, что ораторские тексты нашли отражение и в художественной прозе Пушкина, в частности в «Метели» и «Рославлеве». С их помощью воссоздавался дух исторической эпохи 1812 года, ведь они были неотъемлемой частью культуры и быта той поры. В главе «Удивительный образец народного красноречия» подробно проанализирована XI глава романа, рассмотрены ораторские стратегии Пугачева, Хлопуши и Белобородова. Н.И. Михайлова приходит к выводу, что Пушкин, следуя принципу достоверности, «в творчески преобразованном виде донес до нас народное красноречие эпохи пугачевской войны», которое осмыслено им «в широком контексте как истории, так и классического ораторского искусства» [6].

Прозу Пушкина в контексте риторической традиции его эпохи изучает Н.Л. Вершинина [1]. Она выявила онтологический смысл риторических приемов (например, «фигуры умолчания», «завершенности» и др.), их композиционную функцию в прозе и поэмах Пушкина. В этом же направлении ведет исследование прозы Пушкина польский литературовед Ольга Глывко, внимание которой обращено к «романтической» традиции. Она рассмотрела коммуникативные ситуации в повести «Выстрел», строящиеся на сочетании «невыразимого» и «молчания», охарактеризовала модели поведения героев в них, а также выявила формы установления контакта. Анализ подобных коммуникативных ситуаций позволил ей утверждать, что все приемы (слова-сигналы, догадки, имеющие статус коллективного мнения, ситуационный параллелизм) «служат художественной задаче дополнять невысказанное героем» [1, с. 44-45], поэтому в повести важна не столько речь, сколько утаиваемое.

Еще одно направление в изучении коммуникативных аспектов прозы А.С. Пушкина наметилось в последние годы, и связано оно с изучением стратегий речевого поведения героев. Одной из первых работ по данной проблематике стала статья С.В. Савинкова, в которой исследователь показал, что доминирующими стратегиями становятся «речь прямая» и «речь лукавая». Герои неизбежно оказываются в ситуации выбора: огласить свои истинные мысли или утаить их. Истоки этой ситуации исследователь обнаруживает в предшествующей литературной традиции, в частности в трагедиях А.П. Сумарокова, лирике Г.Р. Державина, М.В. Ломоносова. «В конфликте между истинностью спонтанно выраженного чувства и истиной-долгом пушкинские герои

неизменно следуют старой классицистической норме – они встают на сторону долга, который у Пушкина осмысливается как такой незыблемый порядок вещей, на котором мир держится», – подытоживает исследователь [8, с. 108].

Выше нами была высказана мысль о том, что существующие подходы к изучению диалога дополняют друг друга и их сочетание дает очень интересные результаты. Творчество Пушкина является ярким тому доказательством, так как в его произведениях важную роль начинают играть диалогические отношения. Это понятие впервые сформулировал Г.П. Макагоненко, рассмотревший три «программных» диалога в «Капитанской дочке». Он обратил внимание на тот факт, что «содержание диалога не сводится к высказыванию его участниками двух противоположных линий – оно шире, глубже и значительнее суммы двух суждений. Новая содержательность возникает из художественной структуры диалога как определенной эстетической категории – диалогических отношений. Диалогические отношения – это конкретное и специфическое проявление закона истинного искусства – закона сцепления, сформулированного Львом Толстым» [5, с. 372].

В результате меняются функции диалога, принципы его включения в текст. Как показал В.В. Виноградов в работе «Стиль «Пиковой дамы», Пушкин «перестраивает стиль прозаического диалога» [2, с. 118]. Еще в «Повестях Белкина» он усиливает его бытовую характерность, социальную обусловленность; диалог приобретает черты реалистического драматизма, эмоциональную выразительность. В «Пиковой даме» диалог становится средством изображения среды, приобретает повествовательные функции, на него распространяется «принцип субъектно-экспрессивных сдвигов и транспозиций» [2, с. 121].

Другой тип диалогических отношений, возникающий в произведениях Пушкина, это диалог с читателем. Он становится способом контакта с действительностью, которая разнообразна, подвижна, изменчива, а потому подвижен, изменчив и образ читателя. В.А. Грехнёв показывает, что «композиционно оформленный диалог пронизывает всю сюжетную ткань романа множеством диалогических жестов, то лаконичных, то развертываемых в просторные реплики» [3, с. 101], в том числе как диалог автора с читателем, который «углубляет в романе художественное видение события и психоло-

гической сущности персонажей» [3, с. 109].

Изучение пушкинских произведений с точки зрения реализуемых в них коммуникативных стратегий имеет большие перспективы, так как, во-первых, позволяет «прочитать» их по-новому (уточнить, переосмыслить существующие интерпретации); во-вторых, ответить на ряд дискуссионных вопросов.

Один из них – проблема незаконченности романа «Дубровский». Анализ коммуникативных контактов героев, составляющих любовный треугольник, показывает, что черновой вариант финала (Островский – так звали героя в первых набросках замысла – бежит с героиней и женится на ней) был невозможен, так как не вытекал из того, что несли в себе психологические и социальные типы, сведенные в любовной интриге произведения [9].

Другая дискуссионная проблема – это статус некоторых поздних пушкинских текстов. Прежде всего тех, которые печатались в «Современнике» и многими воспринимаются как журналистская «поденщина». Уже много лет исследователи спорят о том, что представляет собой «Последний из свойственников Иоанны д'Арк». Анализ произведения в коммуникативном аспекте показывает, что журнальная публикация становится «разноголосой», а сухое информативное сообщение приобретает диалогический потенциал. Причем можно вести речь о разных типах диалога: эпистолярном (Дюлис – Вольтер), журналистском (издатель – английский журналист), межкультурном (когда сталкиваются ментальности: англичанин бросает упрек французам), историческом (события прошлого глазами современника), цивилизационном (аристократов сменяет поколение «промышленников», Дюлис делает своим наследником Джемса Белли, родственника жены – «книгопродавца эдимбургского»), эстетическом (разное отношение к книге и понимание ответственности творца за созданное) и, конечно, скрытом диалоге – биографическом [26].

Пушкинская лирика также рассматривается в аспекте диалога. В частности, в диссертации Е.Н. Федосеевой поэтическое наследие Пушкина изучено в свете теории речевых жанров М.М. Бахтина. Исследовательница показала, как реализуются жанры просьбы, жалобы, молитвы, а также ситуация пира и спора в творчестве русских поэтов пушкинской эпохи, раскрыла, как функционируют визуальные и слуховые об-

разы, имя в системе общения. Она пришла к выводу, что в лирическом произведении «некоторые жанры выступают как ситуации общения», «другие <...> – как поступок в общении, как средство общения, прямое высказывание» [10, с. 9]. Другой подход осуществлен в диссертации С.В. Сысова «Коммуникативная система лирики А.С. Пушкина» (М., 1999). В ней введено понятие «коммуникативная инстанция», разработана типология персонажей на основе риторических посылок высказывания.

Таким образом, диалогические отношения, коммуникативные стратегии, речевые жанры, в том числе и отражающие «голос» эпохи, стали предметом многочисленных исследований о творчестве Пушкина.

Список литературы

1. Вершинина Н.Л., Глывко О. Пушкин в движении культуры: проблема поэтики и творческие параллели. – Саранск, 2013. – 351 с.
2. Виноградов В.В. Стиль «Пиковой дамы» // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – С. 74-147.
3. Грехнёв В.А. Диалог с читателем в романе Пушкина «Евгений Онегин» // Пушкин. Исследования и материалы. – Т.9. – Л., 1979. – С. 100-109.
4. Есин А.Б. Изображенное слово у Пушкина и Чехова // Есин А.Б. Литературоведение. Культурология. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 168-180.
5. Макагоненко Г.П. Творчество А.С. Пушкина в 1830-е годы (1830-1833). – Л.: Худож. лит., 1974. – 376 с.
6. Михайлова Н.И. «Витийства грозный дар...»: А.С. Пушкин и русская ораторская культура его времени. – М.: Русский путь, 1999. – 416 с.
7. Одинцов В.В. О языке художественной прозы: повествование и диалог. – М.: Наука, 1973. – 104 с.
8. Савинков С.В. Речь прямая и речь лукавая: стратегии поведения в творчестве Пушкина // Болдинские чтения. – Нижний Новгород: Вектор-Тис, 2009. – С. 98-109.
9. Федосеева Е.Н. Диалогическая основа русской лирики первой трети XIX века. Автореф. дис. доктора филол. наук. – М., 2009. – 42 с.
10. Юхнова И.С. Общение и диалог в творчестве А.С. Пушкина. – Саранск, 2014. – 204 с.